

Алексей Корнелюк

ВТОРОЙ ШАНС УМЕРЕТЬ

Алексей Корнелюк
Второй шанс умереть. Детские
травмы как источник силы
Серия «Лучшая версия себя», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69198091
SelfPub; 2023*

Аннотация

Знаю, в нашем детстве бывает всякое... И порой это "всякое" травмирует нашу психику и тянется шлейфом воспоминаний, причиняя боль и сегодня. А что, если детские травмы можно проработать самостоятельно без сотни часов психотерапии? А что, если травмирующие события, которые мы пытаемся забыть, могут стать нашей силой? Книга о том, как разбудить в себе спящий потенциал и заявить во всё горло этому миру: «Я такой, какой я есть, и в этом моя сила!» История построена в форме увлекательного романа, который в доходчивой форме даст ключики к собственной силе и потенциалу. Ну что, убедил заглянуть в книгу? Тогда бери её и не сомневайся, впереди нас ждут удивительные открытия. P.S. Книга написана в форме увлекательного рассказа.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	37
Глава 10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алексей Корнелюк

Второй шанс умереть.

Детские травмы

как источник силы

Глава 1

Где-то, казалось, я слышал мудрую мысль: «Что имеем не храним, потерявши – плачем».

И в моём случае я потерял самую ценную вещь – это собственную жизнь.

Хочу ли я заплакать? Да не особо, все обременяющие обязательства остались там, где лежит мое обездвиженное тело. Стало даже как-то легче, свободнее что ли, понимаешь?

Я умер вполне заурядной и неинтересной смертью, даже обидно как-то.

Даже в моём маленьком городке, в котором я вырос и прожил до 46 лет, не напишут об этом на предпоследней странице в богом забытой газетёнке: «Скоропостижно скончался в таком молодом возрасте...»

В один день малюсенький сосудик оторвался от сердечной

мышцы, и я, скорчившись от боли, схватился за грудь и свалился на пол.

И нет, смерть с косой не приходила ко мне в гости с попкорном и газировкой.

Единственным, кто решил провести меня, стал мой арендодатель, живший этажом ниже.

Толик был хоть и неприятным человеком, но до жути педантичным. Каждый месяц десятого числа он как по будильнику тарабанил мне в дверь, забирая в конверте свою оплату за аренду.

А на этот раз на его стук никто не ответил... Моё сердце своё отстучало, и только мой кот, ходивший вокруг моего тела, в такт стука хрипло мяукал. А мяукал мой котяра только когда был голоден, и Толик это знал.

Как никак за 12 лет мы пару раз новый год вместе отмечали. И тогда после пол бутылки водки в Толике проснулась любовь к животным...

Как сейчас помню, толстое, почти круглое лицо Толи налилось румянцем, глаза затуманились, а руки потянулись к Барсику, моему Барсику! Я тогда еле себя сдержал. Когда выпью, мой инстинкт самосохранения испаряется, но, в последнюю секунду оценив ситуацию, я себя одёрнул и драться не полез.

У Толика не только лицо выдающегося размера было, но и ручища! И вот он тогда, детина пьяный, и так, и эдак кота

моего крутил, а он не мяукает и не мурчит.

Тогда-то я ему и рассказал, что кот у меня «особенный», мяукает только когда жрать просит.

И вот, лежу я, а кот орёт. Это было уже не мяуканье, а ор на кошачьем. Толика, видимо, это смутило и минут через двадцать он вернулся с ключами, открыл дверь и увидел меня посиневшего с вывалившимся языком.

Натянув свою выцветшую майку и закрыв нос, он кинулся к телефону, чтобы позвонить в скорую.

А я сижу и смотрю на всё это. Ага, я, точнее, та часть, которая всё осознаёт и рассказывает тебе об этом, мой читатель. Тело-то моё на месте лежит, цветёт себе и пахнет, а я сижу на корточках рядом и наблюдаю всю картину. Счёт времени я всё-таки потерял. Даже небрежливый Толя, который одни носки может по месяцу носить, побледнел и всё через майку свою дышит. Может, я давно лежу, не знаю. Да и не важно уже это.

Хожу по комнате, через тело перепрыгиваю своё и умиляюсь от того, как события разворачиваются. В мою небольшую квартиру зашли трое мужчин в полицейской форме и столько же сотрудников скорой помощи. А как слаженно они работают, красота.

Один пульс шупает, второй протокол заполняет, третий Толика допрашивает.

Среди всех людей, снующих туда-сюда, выделялся один интерн. Судя по его уже зеленоватому лицу, он впервые мёртвого человека увидел, и тут надлом произошёл.

Сдерживая ротный позыв, он бросил свою сумку на пол и, чуть не сбив кота, выбежал на лестничную клетку.

Заблевал там всё, наверное... Встав с корточек, я решил проверить и пошёл за интерном.

На подходе к дверному проёму моя нога уперлась в невидимый экран, от которого в месте соприкосновения с моей ногой пошла волна, создавая купол.

Волна оказалась размером как раз с комнату, в которой я и просидел со своим бездыханным телом.

Никто из окружающих этого, конечно, не заметил, только Барсик мяукнул. Толик как раз приподнял его за холку и крепко прижал к себе.

Подняв руку, я положил ладонь на невидимый экран и с усилием стал толкать. Вокруг ладони вибрационная волна усилилась, но экран стоял как влитой. Навалившись с усилием, я стал толкать, и в момент, когда плечо стало жечь, через дверной проём и сквозь меня прошёл интерн, вытирая халатом остатки рвоты со рта.

Старшие коллеги похлопали молодого пацана по спине и вышли в коридор за носилками. Пару полицейских, шушукаясь, называли меня жмуриком, говорили, что дело плёвое и уже обсуждали планы на вечер.

Мое тело накрыли простынёй, положили на носилки, и два крепких парня, приподняв его, понесли в коридор, еле вписываясь в дверные проёмы.

И в тот момент, когда я надеялся, что с неба упадёт белый свет, и я помчусь навстречу с творцом, произошло то, чего я точно не ожидал.

Глава 2

Я уже было закрыл глаза, подставив лицо божественному свету, но что-то дёрнуло меня за левый бок и потащило в сторону моего бездыханного тела.

Сопrotивляться было бесполезно. Это как маленькому клубочку пыли пытаться выстоять против пылесоса, направленного прямо на него.

И только когда меня вытянуло на лестничную клетку, я опять почувствовал контроль.

– Да я тебе говорю, Женёк, не войдём мы в лифт. Давай, хватай уже носилки и понесли.

– Нет, а если мы вот... как его? – почёсывая голову, мед-брат Женёк, видимо, вспоминал слово. – Во, точно, вертикально поставим! Давай хоть попробуем, а? У меня с прошлого раза поясница ещё в себя не пришла.

Мужик постарше лишь рукой махнул, закатал рукава и, показывая всем видом, что разговаривать больше не будет, приподнял свою часть.

Женёк что-то тихо процедил сквозь зубы, но спорить со старшим товарищем не стал.

Я в последний раз с тоской взглянул на свою дверь, поджал нижнюю губу и попрощался... Но не с чем-то конкрет-

ным, а просто с местом, в котором я прожил свои последние годы.

Надеюсь, Толик позаботится о Барсике, а если не позаботится, я к нему во снах приходить начну и мяукать.

Раздался удар.

Повернув голову, я увидел, как металлическая ручка носилок ударилась о железные перила.

– Э, мужики, не картошку несёте! – раздосадовано крикнул я. Но реакции не последовало. Мужики как кряхтели, нащупывая ногами ступеньки, так и продолжали кряхтеть.

Их понять можно, после 30-ки я изрядно поднабрал и с каждым годом всё больше стал верить в поговорку «Хорошего человека должно быть много».

Не уверен, что медбратья, переноса мои 96 килограммов, в этот момент соглашались с этой поговоркой...

Спускаясь за ними, я обратил внимание, что в трёх местах тело было закреплено фиксирующими ремнями. Видимо, пока я "слезу пускал", прощаясь с местом обитания, мужики тело пристегнули. И на том спасибо.

Как-то в детстве я был на похоронах, мне было лет 5-6, уже и не вспомню точно. В те года ещё пожилых людей хоронили с определёнными ритуалами.

В подъезде от квартир стариков до самого катафалка разбрасывали лепестки цветов, а соседи с трауром на лице и рыданиями провожали в последний путь стариков, которые,

конечно же, с их слов «ушли так рано...»

Меня же никто не провожал, детей у меня не было, дальние родственники жили в другом городе, и мы почти не общались. А друзья... Кто-то тоже насовсем покинул бренный мир, а кто-то просто пропал из моей жизни.

Пожилая женщина, кажется, эта была соседка с пятого этажа, с грустным лицом придерживала дверь, помогая санитарам выйти на улицу.

Старший медбрат весь взмок, и с его лба, как бусинки, нависали капли пота.

Рядом с подъездом на аварийке стояла машина скорой, и, завидя нас, водитель вышел наружу, быстрым шагом обошёл её и открыл заднюю дверь.

– Серёга, помоги, а! Будь другом. – хриплым голосом запричитал Женёк.

И вот, они втроём приподняли носилки и закинули тело в салон. Закрыв двери, мужики синхронно, и даже как-то отрепетировано взяли по сигаретке и закурили. Мне бы кто закурить дал.

– Есть у кого сигареты для призраков?

Но меня опять не услышали, эх. Что ж я не догадался умереть с пачкой сигарет в заднем кармане треников?

Нет, ну серьёзно, вся одежда на мне. Треники, которым лет 10, изрядно износились, но я не жаловался. Засунув руку в левый карман, я нащупал дырку, провёл рукой по растяну-

той майке с выцветшими жёлтыми буквами партии, коснулся трёхдневной щетины и глазом поймал солнечный блик от бокового зеркала скорой. Подойдя к нему, я опустил голову и вместо отражения увидел что-то иное, странное...

Самого лица не было видно, но по контуру головы пробежала еле заметная желтоватая линия, похожая на неоновую подсветку.

На улице стояла июльская жара, ярко светило солнце, а цветущий тополь повсюду разбрасывал пух, от чего настроение траура отсутствовало напрочь.

Наверное, умирать в конце октября под опадающую пожелтевшую листву и морозящий дождь совсем иначе.

– Ну, мужики, поехали?

Водитель скорой бросил окурок на асфальт, затушил тлеющий уголёк ботинком и пошёл садиться за руль.

Машина завелась, улица наполнилась гулом от мотора, а выхлопная труба, словно кашлянув, начала извергать чёрный дым.

Старший медбрат последовал за водителем и сел на пассажирское место, а Женёк, тот, что помоложе, залез в кузов с моим телом и по очереди закрыл обе задние двери.

Подойдя к закрытым дверям, я вытянул руки, словно боясь удариться лбом, и прошёл сквозь них. По ощущениям это как пропустить палец через струю воды из крана.

Молодой интерн уже сидел внутри и что-то конспектировал, в своей тетради.

Судя по лицу, он уже отходил и только по взъерошенным волосам и остаткам блевоты на штанах выдавал своё напряжение.

Заняв место рядом с интерном, я сел и заглянул в тетрадь.

Господи, он только-только ступил на путь медицины, а почерк уже нечитаемый. Видимо, когда даёшь клятву Гиппократу, ты автоматически получаешь нечитаемый почерк.

Скорая тронулась, и нас затрясло. Белая простыня сползла с моего посиневшего лица, и Женёк, держась за поручень, взял в руки телефон, привстал и сфотографировал его, а затем сделал селфи на фоне тела.

– Эй, ты чего творишь? – подал голос интерн, закрыв тетрадь.

– Тебе какая разница? Сиди дальше в своей тетрадке и лишних вопросов не задавай, понял? – фыркнул Женёк и набычился, выпятив вперёд нижнюю челюсть.

С виду он больше на словах боец, чем на деле, но интерн всё же не стал спорить и снова взялся за тетрадь.

Заглянув через плечо, я всё же начал потихоньку разбирать написанное. И то, что я начал читать, меня сильно напугало.

Глава 3

Призрака можно напугать? Ещё как!

Когда я ещё раз заглянул в тетрадь интерна, почерк, который совсем недавно я принял за каракули и неразбериху, стал цельным и понятным.

Сфокусировавшись, я заметил, что это латынь или "язык мёртвых". Откуда мне это известно?

В студенческие годы мне довелось побывать на скучных парах, где преподаватель давал основы, но посещал я эти занятия совсем для другой цели.

Почти все пары я искоса пялился на девушку, в которую был влюблён до беспамятства.

В студенчестве у меня были длинные волосы, и если правильно подпереть рукой голову, то можно было разглядывать Таню под бубнёж «*Quidquid latine dictum sit, altum sonatur*», не привлекая к себе внимания.

И только голос лектора об окончании урока возвращал меня из мечтаний о Тане в реальный мир, который меня не особо радовал, но что-то я забегаю вперёд.

Латынь! Бьюсь об заклад, спроси меня месяц назад на улице, я бы и двух слов не смог связать, а тут я бегло читал написанное, и каждая строчка пугала больше предыдущей. Читаю:

«Отец, я понял, что не готов и вряд ли буду готов! Мне требуется прилагать невероятные усилия, чтобы не раскрыть себя, и я прошу... прошу дать мне второй шанс. Я готов сделать что угодно, но только не отбрасывать своё наказание тут, на Земле.»

На слове «Земле» я с недоверием посмотрел на молодого пацана. На вид ему было лет 19. Юное, совсем невинное лицо, пепельного цвета волосы, слегка выпирающие скулы и пронзительно голубые глаза.

Я привстал с места и встал напротив него. Вытянув вперед руку, я помахал кистью перед его носом. Да нет, городской сумасшедший какой-то, я-то уж подумал...

Повернувшись, чтобы сесть на место, я сделал шаг и чуть было не упал, зацепившись за что-то ногой.

Интерн, сидевший до этого со скрещенными ногами, выпрямился, и я задел его кроссовок. Сев на корточки в покачивающейся скорой, я наклонился к его левой ноге и осторожно тыкнул её пальцем.

Палец прошёл сквозь кроссовок, и, разочаровавшись, я вернулся туда, где сидел.

Женёк ехидно улыбался, уставившись в телефон и не переставая тыкая пальцами в экран, а интерн продолжал вести записи. Читаю дальше:

«Ты же знаешь, я не виноват в случившемся. Поговори ещё раз с моими братьями. Я уже так долго среди людей, что начинаю забывать себя, и зачем я тут...

Для чего? Чтобы страдать? Находясь вдали от дома, я теряю свои силы, чувствуя, как они покидают меня... Кажется, ещё чуть-чуть, и я стану обычным человеком.

Сегодня со мной произошла странная вещь. Приехав на...»

Заскрипев тормозами, скорая резко остановилась, и мои спутники в один момент оторвались от своих занятий: Женька от телефона, а интерн от записей в тетради.

– Да, увидимся, Серёга! Ребятишкам привет передавай.

Открыв задние двери, старший медбрат с сигаретой в зубах впустил солнечный свет, от чего пылинки в салоне заплясали в удивительном танце.

– Ну, последний рывок и на обед. – старший медбрат хлопнул в ладони, дав сигнал вылезать и браться за носилки.

Выносили моё тело уже втроём. Старая, построенная в советское время больница вселяла неприятное ощущение, от чего я поёжился и пошёл чуть позади медбратьев.

Переступив порог главного корпуса, старший расписался в тетради администратора, дав какой-то сигнал, и уже через пол минуты молодая женщина выруливала в нашу сторону каталку.

Переднее колёсико было плохо закреплено, от чего противно скрипело, но, кажется, никого, кроме меня, это не раздражало.

— Раз, два, и-и-и взяли...

Втроём закинув меня на каталку, все выдохнули, и Жёнек, разогнувшись, хрустнул поясницей и, не прощаясь, пошёл на улицу, на ходу вытаскивая сигарету из-за уха.

Молодой интерн, на бейдже которого я прочитал имя Алексей, и старший медбрат под скрип колёсика покатали моё тело по длинному коридору, впереди которого нас ждал грузовой лифт.

Заходить в него мне ой как не хотелось. И неспроста...

Глава 4

Зайдя в лифт, я краем уха стал различать завывающие голоса.

Старший медбрат нажал на кнопку «-2» и уставился на табло с цифрами, растирая между пальцев какую-то монетку.

Интерн залез во внутренний карман, достал наушники, перекинул провод вокруг шеи, затем подключил к телефону штекер и включил музыку так громко, что даже мне, стоящему в дальнем углу лифта, стали отчётливо слышны слова.

Приехав на -2 этаж, лифт дзынькнул и с лязгом раскрыл двери. Те голоса, которые я еле слышал, теперь звучали очень отчётливо.

Переместив каталку в коридор, старший медбрат уверенно покатил моё тело по длинному коридору, насвистывая знакомую мне песенку.

Белые флуоресцентные лампы, которые были утыканы по всему потолку, ярко освещали коридор, показывая все недостатки обветшалого медучреждения.

Сколы на кафеле создавали неровные стыки, от чего колёсики подпрыгивали, занося каталку то влево, то вправо.

Чем дальше мы отходили от лифта, тем громче становились человеческие вопли, но откуда?!

Поглядывая на моих спутников, я старался не отставать, замыкая нашу троицу. Старший медбрат на секунду остановился и застегнул халат на все пуговицы. Только сейчас я увидел, как во время свиста от его губ поднимаются струйки пара.

Молодой интерн, напротив, был очень напряжён, собран, всё его тело словно наэлектризовалось. Я заметил, что обе руки он держит в карманах и что-то проговаривает про себя.

Пока мы шли вперёд, по бокам нам попадались старые металлические двери, на которых вместо табличек краской небрежно были нарисованы крупные цифры. 1... 2... 3... и так далее.

Дойдя до конца коридора, мы свернули налево и оказались в просторном белом зале. К нам спиной стоял здоровенный мужчина, склонившийся над чьим-то телом на такой же металлической каталке. Посиневшая нога торчала из-под накрытой простыни, и на пальце трупа висела какая-то бирка.

– Антон Владимирович, не помешали?

Развернувшись на голос, мужчина выпрямился, держа в окровавленных перчатках скальпель. Его лицо было полностью закрыто марлевой маской, плотно сидевшими очками и шапочкой.

– Ай, Ромка! Дай обниму! – то ли всерьёз, то ли в шутку

предложил он старшему медбрату, раскинув руки пошире.

– Обойдусь как-нибудь.

– Ну как хочешь.

Бросив скальпель в раковину и стянув перчатки, Антон Владимирович накрыл простышкой бедолагу, над которым только что работал, снял шапочку, маску и прям преобразился.

Встретив его в магазине, никогда бы не догадался, кем он работает. Его, скорее, с добряком-пекарем можно спутать, чем с патологоанатомом.

Озираясь вокруг, пока Антон с Ромой решали формальности и о чём-то спорили, я, кажется, начал понимать, откуда доносились голоса.

В углу зала была металлическая дверь, похожая на те, вдоль которых мы шли по коридору. Только на ней ничего не было написано.

Что-то странное и неведомое тянуло к этой двери. Голова закружилась, а ноги сами переступали всё ближе к двери. Вытянув руку вперёд, я вспомнил, что могу пройти сквозь дверь, и почти было дотронулся до металлического каркаса, как замер, услышав звонкий голос интерна.

– Стой!

Обернувшись назад, я увидел прерывисто дышащего пациента, который каким-то образом оказался рядом на расстоянии двух шагов.

Глава 5

– Ты кому там «стойкаешь», Алексей? – чисто из вежливости спросил Антон Владимирович, словно это обыденная вещь.

А вот Роман, старший медбрат, серьёзно испугался, от чего его глаза расширились, выдавая вместе со страхом ещё и удивление.

Замерев на несколько секунд и отведя от меня взгляд, Алексей всё же развернулся и, отшучиваясь, ответил:

– Да репетирую, репетирую, не обращайтесь внимания. Я... – тут он почесал шею, словно оправдываясь, и, покрасневшись, продолжил. – На актёрские курсы по вечерам записался, вот и приходится иногда самому себе, так сказать, "пробы" устраивать.

– Ну-ну, пробы... Тут поработаешь и какие только представления не увидишь. – Антон Владимирович с высоты своих двух метров наклонился ближе к Роме и сказал уже тише. – Ты нафига его сюда притащил?

– А я чего? Его же главный врач ко мне пристроил, вот и он слоняется со мной. – оправдывался Роман.

Кто это интерн, чёрт возьми? И почему он так перепугался, увидев, как я приближаюсь к той двери?

Один вопрос за другим вспыхивали в моей голове. Обойдя Алексея вокруг, я обратил внимание, что в кармане у него был выпуклый предмет, от которого исходили еле заметные волны.

Это как наблюдать за только что вскипевшей водой чайника, которая совсем недолго подрагивает и извивается, чтобы потом успокоиться, собравшись в единую гладь.

Заметив, что я смотрю на то, что он пытался от меня скрыть, интернет вернул руку в карман и отвернулся.

– Ладно, Ромыч, договорились, но это в последний раз, когда ты вне очереди мне работёнку подкидываешь, понял?

Они пожали руки, и Антон Владимирович развернул каталку с телом, которое до нас "изучал", и покатил в сторону железной двери в углу.

Подойдя к ней ближе, он одним уверенным движением схватил за ручку и потянул на себя.

Внезапно звук воплей усилился, тусклые, почти прозрачные тени людей, покачиваясь как ивы на ветру, толпились около проёма не в силах выйти наружу.

Подойдя ближе, я разглядел их лица, искажённые болью и горем, просящие о помощи и тянувшие в мою сторону свои бестелесные руки.

Антон Владимирович вместе с каталкой прошёл сквозь толпу теней, скрывшись в комнате, которую, как я понял позже, называют "холодильник". В ней хранят тела, которые ли-

бо забирают родственники, либо отправляют на кладбища.

Роман уже быстрой походкой скрылся за углом и проследовал на выход.

Алексей, что-то с силой сжимая кулаком в кармане, почти бесшумно произнес:

– Медленно иди за мной.

Я пошёл следом. Вдруг одна из теней выскользнула из дверей "холодильника", прицепившись к потолку.

Держа темп Алексея, я не сводил глаз с этой тени. Она отличалась от остальных. Обезображенное лицо уже не напоминало человека, вместо глазниц там были чёрные спирали, закручивающиеся вовнутрь.

Паря по потолку за нами, тень задевала галогенные лампы, от чего свет мерцал и подрагивал.

– Не отставай.

Нам оставалось шагов 20-25 до лифта. Роман давно уехал, и мы шли вдвоём под мерцающий свет и звук шагов, разносившихся эхом по всему коридору.

Вдруг тень на миг замерла, собралась в клубок и отпрыгнула, полетев прямо на меня. От оцепенения я замер, и в тот момент, когда её когти должны были вцепиться в меня, между нами возник невидимый барьер.

Ударившись об него, тень обмякла и под вой, напоминающий больше крик животного, чем человека, скатилась по экрану на пол, образовав сгусток чёрной жижи.

Пятясь, я зашёл в лифт с предчувствием, что впереди меня ждут невообразимые вещи. И оказался прав...

Глава 6

Поднявшись на первый этаж, мы словно вернулись в привычный мир.

Вокруг расхаживали люди в халатах, а за ними пациенты, желающие получить хорошие вести.

Проходя мимо них я про себя думал: «Люди, вы всё ещё живы, почему у вас такие кислые мины вместо лиц?»

Переступив порог главного больничного корпуса, мы вышли на улицу. Солнечный диск медленно уходил за горизонт, освещая улицу мягким алым светом.

– Ну теперь-то, может, расскажешь, что, чёрт возьми, происходит?

Я намеренно оббежал Алексея и встал напротив него, перегораживая путь.

– В парке. – только и выдал он, проходя сквозь меня.

В парке, так в парке. Я вроде бы никуда не опаздывал. Забавно, я поймал себя на мысли, что хоть и умер, но моё чувство юмора всё ещё при мне.

Проходя вдоль домов, я следовал за интерном и разглядывал его. Ростом он был метр восемьдесят, может восемьдесят пять. Походка, однако, была странной и сильно выделялась. Казалось, он просто не умел сутулиться.

Почувствовав мой взгляд, Алексей на ходу снял халат и, аккуратно сложив его в два раза, перекинул через плечо. Одет он был в простые синие джинсы и майку такого же цвета, хорошо сидевшие по фигуре.

Свернув направо, мы перешли дорогу и оказались у главных ворот, разделяющих суетливый город и первозданную природу. По парку, как обычно, ездили велосипедисты, бежали трусцой любители ЗОЖа и неспешно вразвалочку прогуливались парочки.

Алексей почти сразу ушёл с главной дороги. Подходя к краю вытоптанной земли, он лёгким движением скинул кроссовки взял их за шнурки и пошёл вглубь парка, ступая по свежей траве.

Чем больше мы отдалялись от тропы, тем реже до нас доносились человеческая речь, и как только из звуков остался лишь лёгкий ветерок и пение птиц, мы остановились.

Молодой интерн отыскал большое дерево, крепко пустившее корни в землю и, сядя под него, жестом пригласил присоединиться. Я последовал его примеру и сел рядом.

– Почему ты остался?

– То есть как? – растерялся я от вопроса.

Подбирая слова, Алексей взял валяющийся рядом камешек и стал подбрасывать его, ловя на лету.

– Умирая, человеческая душа почти сразу отправляется в распределительный центр, но ты же сидел около своего тела.

Вот я и спрашиваю, почему ты остался?

– Так меня никто не спрашивал! – вспоминая, что произошло в день смерти, я продолжил. – Я шёл на кухню, затем почувствовал резкую боль в груди и рухнул на пол, отключившись. Придя в себя, я привстал, отполз к стенке и обнаружил, что тело моё так и осталось лежать посреди комнаты.

Алексей слушал внимательно.

– И я не знаю сколько так просидел... Время шло как-то иначе. Помню только, что тело постепенно цвет поменяло, и щёки с глазницами впадать стали. А дальше ты сам всё помнишь после приезда на вызов. И... вообще, кто ты такой? Сидишь тут, с призраком разговариваешь.

Решив не отвечать, на мой вопрос молодой интерн, сказал:

– Тогда у меня для тебя плохие новости...

Глава 7

– Не уверен, что есть новости хуже той, что я умер.

– О, уверяю тебя, есть! – Алексей придвинулся ближе к дереву и стал говорить тише, словно нас кто-то мог услышать. – То, что ты считаешь концом, является просто завершением цикла, и в твоём случае тебе предстоит заново сдать экзамен, чтобы перейти в следующий цикл.

– Звучит как тарабарщина. Ты, случайно, не участвовал в 63 сезоне битвы экстрасенсов?

Какой ещё экзамен?! Циклы? – я стал не на шутку заводиться. – Я думал как... детство, юность, работа, старость, гроб – всё! Какие тут циклы?

– Забавно...

– Что? – не унимался я.

– Станный и тяжёлый случай. Обычно души, которые остаются рядом с телом после смерти, имеют незавершённые дела. Ты же оказался тут, видимо, случайно, по ошибке. – с этими словами он стал привставать.

– Эй, погоди-погоди, ты куда собрался? Сидишь тут важный такой без обуви, про циклы мне задвигаешь и тут собрался куда-то.

Смотря на него снизу вверх, я заметил лёгкое свечение вокруг тела.

Выдохнув, я сменил тон и продолжил.

– Присядь, пожалуйста, и объясни, что это значит. Только попроще.

Опустившись на землю, интерн запустил руку в траву и, как ни в чём не бывало, продолжил свой рассказ:

– Ты по какой-то причине застрял в переходном мире, и раз ты здесь, то должен завершить какие-то свои дела.

– Слушай, не пойми меня неправильно, эм... Я тут, вроде как, призрак и могу делать что хочу! Летать себе, где вздумается, делать, что в голову взбредёт. Какие ещё неразрешённые дела? Наконец-то СВОБОДА!

– Свободой это точно не назовёшь. – Алексей был совершенно серьёзен, и выглядело это так, словно он объясняет ребёнку, что та граната, которая оказалась в моей в руке, точно не игрушка. – Тебе надо знать две вещи, Максим.

– А откуда ты узнал моё имя?

– Тебя сейчас это волнует или то, какие опасности тебя ждут?

Я умолк.

– Первое – ты, конечно, можешь летать, где вздумается, но, боюсь, не долго. Помнишь ту тень, которую ты встретил в морге?

Я одобрительно махнул головой и поёжился...

– Мы называем их стирателями. И ночью, встретившись с одной из них, тебя уже ничего не спасёт.

– А кто это? И кто "мы"?

– Подожди, я не закончил. Что за дурацкая привычка перебивать?

Необычная картина получалась. Молодой пацан, чьё лицо выглядело лет на 20, учил меня как жить... Точнее, как не умереть снова.

– Второе – если ты тут застрял, то тебе нужно решить свои "неразрешённые дела". У тебя есть 8 попыток для работы со своими воспоминаниями. Чем глубже ты будешь погружаться в закрома своих обид, тем сложнее будет выбраться обратно. Задержишься дольше, чем следует, превратишься в заблудшую душу, и тоже пойдёшь на корм стирателям.

– А что будет потом? Если я проработаю все 8 воспоминаний? Что тогда?

– Это тебе предстоит выяснить самостоятельно...

Глава 8

Вечерело. Солнце уже давно ушло за горизонт, подсвечивая розоватую пелену облаков.

Какое-то время мы сидели молча, я долго переосмысливал услышанное, иногда задавая уточняющие вопросы:

– А ты зачем мне помогаешь? И... кто ты вообще такой? Что за защитный купол был тогда в морге?

– Всему своё время. – Алексей использовал этот универсальный ответ, кажется, на все те неудобные вопросы, которые я задавал. Но что-то он всё-таки ждал, и этим "что-то" оказалось мое предложение.

Нарушив тишину, я сказал:

– Ладно, давай попробуем... Как мне вернуться в свои воспоминания и, как ты сказал, проработать их?

Оттолкнувшись, от земли, Алексей привстал и, выбрав удобное положение, уселся напротив меня, скрестив ноги.

– Ты готов?

– Что, уже?! – тут уж я растерялся, не ожидая такой прыти. – А... А как я пойму в какое воспоминание попасть? Что сделать-то нужно? А как я выберусь оттуда? – я затараторил ещё быстрее. – А как...

– Ты готов?! – спросил Алексей громче. – На счёт "три"! Раз!

– НЕТ, не готов, подожди!

– ДВА!

И, не досчитав до трёх, Алексей поместил свой указательный палец точно в моё межбровье.

Электрический разряд пронзил меня насквозь – от головы до самых пяток, и только я решил отскочить, как всё тело будто налилось свинцом. Пытаясь закричать, я только открывал рот и чувствовал, как силы покидают меня.

В ушах стоял невыносимый писк, а тело стало расслаиваться. Меня словно подключили к 3D принтеру, который с молниеносной скоростью выплёвывал мои копии. Десятки, сотни копий выскакивали из меня, бросаясь врассыпную. Когда я начал терять сознание, меня и все мои копии в одно мгновение всосало в палец Алексея.

Всё вспыхнуло, а ещё через мгновение образовалась непроглядная темнота.

Моргая и пытаясь почувствовать своё тело, я увидел, что тёмное пространство завибрировало и начало обрастать деталями.

Сверху, как в тетрисе, фрагменты картинок падали, соединяясь и создавая цельные части.

Ещё несколько секунд, и всё замерло. Я стоял в подвале.

Маленькие окна почти у самого потолка были единственным источником света.

Я знал... Точнее, помнил этот подвал, и что там со мной произошло.

За стенкой слышались детские голоса:

– Я сказал тебе, давай! Сделай это, будь пацаном!

Я обернулся и пошёл на шум в соседнюю комнату. Заглянув в дверной проём, я увидел четырёх мальчиков лет 7-8, один из которых был на вид старше и крупнее остальных.

Он громко говорил приказным тоном, заставляя трёх остальных мальчиков последовать его примеру.

Его юное лицо было искажено ненавистью и злорадством.

Обойдя эту группу, я встал сбоку и увидел... себя.

Чёрные волосы свисали чёлкой, закрывая ещё такие детские глазки.

Одетый в шорты и майку с покемоном, я услышал и, главное, уже увидел тогда первое проявление жестокости и насилия.

В углу пыльной комнаты подвала сидел, всхлипывая, такой же мальчик, как и мы.

Он был напуган, вокруг него образовалась лужица, и этой лужицей была моча.

Этого мальчика, как сейчас помню, звали Стёпой, он жил в такой же старой пятиэтажке, что и я.

У Стёпы была задержка в развитии, и вместо слов он использовал звуки, а его тело словно до конца ему не принадлежало.

Когда Стёпу по улице вела его бабушка, он косолапил, шаркая ботиночками об асфальт. Она бережно поддерживала его за локоток, и в тот момент казалась старой измученной женщиной, которая и была единственной опорой в его жизни.

– Давай, чего ты стоишь, Дэн! Ты следующий! – наш "предводитель" наускивал каждого из нас последовать его примеру – подойти и помочиться на беззащитного Стёпу.

Денис, немного поколебавшись, вышел из нашего строя и вразвалку подошел к Стёпе, который только и мог, что выставить вперёд руки и мычать сквозь слёзы.

Денис был полноват, и, мочась на Степана, он почти полностью закрывал его своим телом.

Я в ступоре смотрел на всё происходящее, переводя взгляд то на меня из прошлого, то на нашего командира, который одобрительно скалился.

– Ты следующий. – указал зачинщик на тогда моего лучшего друга Ромку.

Ромка посмотрел на меня, а я из прошлого на него. На моём лице читалась растерянность и ужас, и опасался я не просто так.

Тогда я боялся нашего "предводителя", которого звали Андрей. Я знал, что за малейшую оплошность он запросто поколотит меня.

Денис встал обратно в наш круг и Рома, мой лучший друг, вышел вперёд, шагая к Стёпе, вокруг которого уже была большая лужа.

Я был в ужасе, потому что знал, что должен был идти следом.

Звук мочи эхом отражался от голых стен подвала, неотвратимо приближая неизбежное...

– Макс, ты следующий.

Я стоял как вкопанный.

Андрей, стоявший до этого вполоборота, полностью повернулся ко мне.

– Макс!

Я напрягся, мне срочно нужно было что-то сделать!

– Ты чо, оглох?!

Белесое лицо Андрея начало становиться пунцовым.

Я не двигался.

– Я сказал иди и нассы на него! – сквозь зубы процедил Андрей, сузил глаза и выкатил челюсть вперёд. Я знал, к чему это ведёт. Сжав кулаки, Андрей, до этого стоявший рядом со Стёпой, пошёл прямо на меня.

Я бросился наперерез и встал между собой из прошлого и этим маленьким чудовищем.

– Я не буду.

Обернувшись, я увидел на своём лице смирение и принятие, что получу в морду.

– ЧО ТЫ СКАЗАЛ?!

– Я не буду этого делать. – спокойно произнёс я, смотря в пол.

Андрей мгновенно сжал кулаки и побежал на меня.

Прыгнув навстречу, я встал на защиту семилетнего себя, беззащитного пацана, который уже был готов получить взбучку.

Собрав всю силу, что у меня была, я выпрямил руки на пути Андрея.

Занося руку назад для удара, со свирепым лицом, Андрей остановился.

Остановился не только он. Кажется, всё в комнате замерло. Пропали звуки, и сверху над потолком вспыхнул яркий свет, в мгновение засосав меня.

Глава 9

Вylетев из прошлого в настоящее, я с размаху грохнулся лицом в землю недалеко от сидевшего на корточках Алексея.

Перекатившись на спину, я уставился на небо и тихо спросил:

– Сколько меня не было?

– Секунду, может две. Там, куда ты отправлялся, времени нет.

Я промолчал, вспоминая только что увиденное. Этот момент моей жизни был старательно спрятан, но, как подковровая пыль, копившаяся годами, всё рано или поздно вырывается наружу.

– Ну как прошло? – Алексей, казалось, испытывал чувство вины, не ожидая, что я переживу дикий стресс после своей первой вылазки в глубокий слой воспоминаний.

– Я... Я не совсем понимаю, зачем я оказался там? Ведь это уже произошло, и моё присутствие ничего не поменяло.

– Ошибаешься.

Закрыв глаза, я снова вспомнил прыгнувшего на меня с кулаками Андрея.

– Как ты думаешь, почему ты из прошлого не поддался и стоял на своём?

– Откуда ты знаешь? – привстав с земли, я повернулся в

сторону Алексея.

– Раз я тебя отправил в воспоминание, кое-что я видел. – отведя взгляд, молодой интерн не стал вдаваться в детали.

– Так что конкретно я изменил?! Всё уже произошло, зачем это нужно было повторять? Чтобы напомнить, какими жестокими могут быть дети?

– Ты не понял... Тогда, стоя в этом пыльном подвале, ты не поддался, потому что и сейчас... Спустя столько времени это для тебя важно. А ведь ты мог поддаться, но что-то тебе подсказало, что, поступив так, ты станешь другим человеком.

– Что-то мне подсказало... – процитировав Алексея, я продолжал на него смотреть и впервые увидел улыбку на его лице.

– Именно этой подсказкой стал ты из будущего.

– Но моя семилетняя версия не видела и не слышала меня, как я мог дать подсказку?

– А нам и не надо обязательно видеть или слышать что-то, чтобы принять решение. Нужно просто чувствовать. Одни называют это интуицией, другие чуйкой, третьи шестым чувством. Не важно, как это называется, ключевое – это чувства.

– И всё равно я не понимаю. Даже если я каким-то образом передал самому себе из детства, – голова шла кругом, – свои чувства, то как я их мог передать, если я уже мёртв?

– Твоё тело мертво, ты прав. Однако, ты как дух жив и, пусть ты не имеешь слёзных желёз, от чего не в силах пролить слёзы, всё ещё можешь чувствовать скорбь и раскаянье. Или я не прав?

Он был прав. Чувства действительно были при мне.

– Но... почему тогда из нас четверых только я единственный не стал этого делать? Разве тогда у моих приятелей не было подобного чувства?

– Было, просто его заглушали более сильные эмоции, например, чувство страха и неуверенности. Находясь возле шумной магистрали, где проносится бесконечный поток автомобилей, очень сложно услышать плач маленького ребёнка через дорогу.

– Выходит, я оказался чем-то лучше тех ребят, совершивших тот гнусный поступок?

– Лучше? Хуже? Что за ерунда? Эти понятия люди придумали, чтобы оправдывать одни поступки и осуждать другие. Кому-то из этих мальчиков нужно было это сделать, так как благодаря тому поступку они стали теми, кем стали. И прямо сейчас ты это не поймёшь, у нас с тобой не так много времени.

Помолчав, Алексей более серьёзным тоном сказал:

– Ты готов отправиться в воспоминание под номером два?

Вряд ли к этому можно быть готовым. Махнув головой, я подставил лоб и с тревогой закрыл глаза.

Глава 10

Тёмное пятно воспоминаний задышало и завибрировало. Под ногами вырос бетонный пол, по бокам проявились стены с облупившейся краской, а серая лестница расстелилась ковровой дорожкой, приглашая меня спуститься.

Покрутив головой, я понял, что стою в обычном подъезде. На лестничной клетке было по четыре квартиры – две с одной стороны и две с другой. А напротив них располагались разрисованные створки лифта.

Лестница ещё раз приветливо завибрировала, и мои ноги будто сами скользнули вниз. Этажом ниже лестница растворилась, словно её никогда и не было, а я остался взаперти и ждал, что же произойдёт дальше.

Внезапно лифт издал звук и поехал на мой этаж. Я отошёл на пару шагов, внимательно наблюдая за происходящим.

Через пару секунд створки лифта открылись, и два мальчика лет десяти вышли на лестничную клетку.

Не сразу узнав в одном из этих пацанов себя, я стал с любопытством его разглядывать.

Молодой я был одет в чёрный пуховик и синтепоновые штаны с рисунком паука на правой штанине. А из-под чёрной шапки, на которой блестели маленькие капли от растаявших снежинок, выглядывало уже повзрослевшее лицо.

Рядом со мной был одноклассник, и вид у нас был серьёзный, словно мы пришли на задание... И в тот момент, когда я из прошлого подошёл к двери и нажал на звонок, я стал догадываться, что мы задумали...

По ту сторону двери слышался шум и высокий голос:
– Иду, минутку.

Послышался лязг замка, железная дверь распахнулась, и с улыбкой на лице нас уже встречал мальчик помладше. Пропустив нас вперёд и показав, где стоит снять ботинки, а где повесить куртки, он деловито закрыл двери и стал рассказывать что-то про компьютер.

Мы оказались по тем годам в хорошо обставленной квартире. Про такие обычно гордо говорили: «У нас евроремонт сделан!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.